

Кто пред взором иль пастью
Медузы
Время имел трепетать?
Лукан. Фарсалия. IX. 637–638.

Досье рептилии

Задавшись целью выяснить, что представлял собой василиск, я наугад открыл несколько мифологических словарей и нашел там либо изложение античных представлений о некой загадочной змее, либо пересказ средневековых легенд, трактуемых ныне как суеверия. В лучшем случае в словарных статьях обычно излагается несколько символических уподоблений данной фигуре, что лишь затемняет суть вопроса. Давно уже замечено, что в исследованиях подобного рода нет места ни удивлению, ни чувству новизны, ни парадоксам. Они являют взору ищущего груды археологической пыли и безмолвие скуки. Мало того, что литературные опыты авторов словарей занижают интеллектуальные возможности древних писателей, они к тому же ровным счетом ничего не объясняют. Создается даже впечатление, что фигура василиска не требует особых пояснений. Рискнем рассеять этот научный миф.

В сочинениях античных авторов, интересовавшихся историей змей, наиболее интригующе выглядят две рептилии — василиск и дракон. Их причастность к иному миру, на первый взгляд, объясняет их сверхъестественные свойства. В древности эти змеи воспринимались как вполне реальные существа, обитающие в отдаленных и малоисследованных областях мира. Двойственность их

образов обернулась скоплением фантастических характеристик, что в конце концов побудило натуралистов Нового времени вычеркнуть этих рептилий из круга своих интересов. Досье василиска в более-менее полном виде последний раз, кажется, было представлено в книге швейцарского ученого XVI века Конрада Геснера¹, что дает основание вернуться к этим материалам. К тому же их можно существенно дополнить. В XX веке загадка василиска (подчеркиваю здесь слово «загадка») отмечена Х. Л. Борхесом в его «Книге вымышленных существ». После эпохи скептицизма Х. Л. Борхес своим бестиарием возвращает из небытия отвергнутые существа, но намеренно ничего не разъясняет. Сейчас, видимо, наступил момент для того, чтобы заняться анатомией мифа.

История представлений о василиске, в которой несложно обнаружить несколько темных пятен, относится к числу волнующих загадок средневековой метазоологии. Загадка связана с разрывами — внезапными и немотивированными. Возникает ощущение, что василиск несколько раз словно «проваливался» во времени и появлялся уже в совершенно новом обличье. Моменты исчезновений покрыты глубокой тайной: мы не знаем, как и почему происходили изменения, однако, не обозначив границы переходов, мы не сможем воссоздать истинную историю василиска. Речь идет не о суевериях, как полагает большинство современных авторов, а о творческом процессе, связанном с моделированием пограничных ситуаций. В известном смысле, через описание фигуры василиска древними писателями исследовалась проницаемость иного мира.

Обратившись к мифологическому досье на василиска, мы видим целый ряд фигур, носящих это имя и внешне разительно отличающихся друг от друга. Не может не возникнуть вопрос: перед нами история превращений одного и того же существа или речь идет о разных фигурах, случайно названных общим именем? Мифологические словари и энциклопедии умалчивают о проблеме таких метаморфоз². Мы же, напротив, как можно резче обозначим ее. Скажем, в «Этимологиях» архиепископа Исидора Севильского (ок. 570–636) речь идет о маленькой ядовитой змейке, тогда как в «Книге сокровищ» флорентийского писателя и политика Брунетто Латини (ок. 1220–1294) изображен четырехногий монстр с грудью и головой петуха и змеиным хвостом. Контраст слишком очевиден и требует объяснений, поскольку оба существа названы василисками.

Конкретный вопрос нашего исследования звучит так: когда и каким образом змейка превратилась в чудовище, состоящее из рептилии и петуха? Я намерен показать, что змее-петух не имеет ничего общего с античным василиском, кроме имени. Это два разных существа. Если античный василиск — это ядовитая рептилия, то змее-петух — воображаемое существо, обитающее на страницах средневековых бестиариев и порталах соборов. Известно время и место его появления — XI век, Германия.

Менялся не только облик василиска, но и его свойства. Изначально это была ядовитая змея, от чьего укуса не имелось противоядия. Она убивала все живое простым прикосновением. Звуком

(шипением или свистом) она предупреждала о своем появлении. Загадкой является обретение змеей смертоносного взора. Удвоение вредоносных характеристик противоречит логике мифа и указывает на монтаж новой фигуры с заимствованным извне свойством. Это произошло в один из «провалов» во времени в узком сегменте эзотерических знаний, не затронув основную античную литературу по зоологии и медицине. Так появилось два василиска; лишь одного из них ждала удивительная история превращений, но и другой никуда не исчез. В XI веке два арабских ученых-естествоиспытателя, ал-Бируни и Ибн Сина, располагали сведениями о двух разных античных василисках. В том же XI веке заявляет право на существование неслыханное чудовище, рожденное из яйца, снесенного петухом и высиженного жабой. Оно могло бы претендовать на оригинальное имя, но, в силу неясных обстоятельств, его вновь назвали василиском. Эта, уже третья, фигура легко бы затмила своих невзрачных конкурентов, но исходящий от нее inferнальный ужас включил механизм рассеивания. В результате появилось нечто, собранное из фрагментов трех разных василисков, обозначенное тем же самым именем. Именно этот персонаж признан медиевистами единственным достоверным василиском, что выглядит явным недоразумением.

Для удобства я опускаю свидетельства о параллельных превращениях множества других василисков, а также тупиковые ветви эволюции этой фигуры, как, например, толкование *василиска* в Иероглифике Гор-Аполлона. Истинная же загадка этого существа заключена в таинственном

притяжении его имени, остававшемся неизменным на протяжении столетий. И, видимо, не стоит интересоваться, какая темная энергия скрыта за этим именем.

Кратко доступное досье на василиска выглядит так. Исидор Севильский сведения об этой змее заимствовал из энциклопедии римского писателя Плиния Старшего, добавив несколько строк из поэмы Лукана. В свою очередь, Плиний использовал сочинение Болоса из Мендеса, писавшего об антипатии между василиском и лаской, и книги магов, где говорилось о свойствах крови василиска и его смертоносном взгляде.

У Плиния был выбор, поскольку о василиске также говорилось в медицинской поэме Никандра Колофонского (II в. до н. э.), посвященной характеристикам змей и противоядиям. Плиний знал эту поэму; в XXX книге он ссылается на Никандра при описании лечебных свойств двухголовой змеи амфисбены. Но в данном случае Плиний предпочел другой источник сведений, поскольку подбирал материал о губительных взглядах животных. Это, в общем-то, случайное обстоятельство имело непредсказуемые последствия.

Василиск Никандра Колофонского — крайне ядовитая змея, но сверхъестественного ничего в ней нет (ни опасного взгляда, ни убийственного шипения, да и о магических свойствах ее крови — ни слова). Поэму Никандра обильно цитирует Клавдий Элиан. Таким образом, в древнеримской культуре, как уже сказано, существуют два разных образа василиска. Первый — ядовитая змея, второй — змеиное воплощение Медузы Горгоны. Мне

представляется удивительным то обстоятельство, что ни один античный писатель не сравнил их с целью выяснить, какой из василисков мифичен, хотя такое сравнение было проведено в отношении катoblepa и хамелеона. Никаких шансов выжить под градом скептических стрел у фантастического василиска не было, тем не менее, змея магов получила признание в позднеантичной средиземноморской культуре. В целом, описанная ситуация не отменяет тезис о безразличии к этой фигуре у рационально мыслящих ученых, врачей, историков и географов. Кредо последних выразил Страбон: «Ведь старина, вымысел и чудесное называются мифами, история же — будь то древняя или новая, — требует истины, а чудесному в ней нет места или оно встречается редко» (*Страбон*. XI. 5. 3). О губительном взгляде василиска говорится только в любовно-приключенческом романе «Эфиопика» Гелиодора (III в.), а ранее, со ссылкой на сочинения магов, и не без иронии, у Плиния (I в.). Всех остальных, включая Болоса, интересовал вопрос о противоядии при укусе этой опасной змеи.

Раскрыть тайну смертоносного взгляда василиска означает указать на причины фатального интереса к теме смерти в контексте ожидаемого конца истории. В чем находил утешение человек греко-восточной цивилизации? В ту эпоху христианская концепция конечного времени почти вытеснила доктрину космических циклов, согласно которой человечеству предназначено пережить определенную долю страданий в силу того, что оно пребывает в космическом цикле, который идет к упадку или близится к своему завершению. Чтобы

оценить совершенно поразительное увеличение числа тех, кто пытался абстрагироваться от «истории», нам достаточно вспомнить о невероятном количестве теологических спекуляций, сект, таинств и философских систем, которые заплотонили средиземноморский Восток в столетия сильнейшего исторического напряжения. Завершение цикла воспринималось как победа сил тьмы. Драматичная эпоха крушения Римской империи порождала и грёзы об обладании оружием, сходным по характеристикам с головой Медузы Горгоны, помещенной на эгиду Афины Паллады. В предшествующие века голова превратилась в горгонейон — маску-талисман. На помпейской мозаике доспех Александра Македонского украшен изображением головы Медузы Горгоны. В средневековых легендах путь Александру преграждает змея-горгония.

Весь этот ворох мифов, эзотерических загадок и мистических толкований сирийцы передали арабам. Вот почему оба образа василиска известны арабской средневековой литературе, будь то книги о чудесах мира или медицинские трактаты. Арабских знатоков занимал диковинный вопрос: умрет ли человек, чей взор упадет на змею, пока она его не видит? В сочинении «Чудеса Индии» ситуация доведена до крайности: «Если змея посмотрит на человека прежде, чем он увидит ее — она околеваает; если одновременно посмотрят друг на друга, — погибают оба. Это самая злобная из змей»³. В эпоху крестовых походов эта тема станет достоянием западного мира. Жак де Витри, архиепископ Акры, в своей «Восточной истории», добавил в досье следующее свойство: если змея

первой увидит человека, тот сразу же умрет, если же человек ее опередит, то погибнет змея. Решится кто-либо отрицать влияние атмосферы Второго крестового похода на творчество немецкой аббатисы Хильдегарды Бингенской? В одном из своих сочинений она рассказывает о том, как рождается василиск и каковы целебные свойства некоего червя под названием териак (*tyriacan*)⁴. И та, и другая inferнальная фантазия навеяна огненными ветрами аравийских пустынь, опасно приблизившихся к границам Иерусалимского королевства крестоносцев.

На протяжении столетий менялись не только свойства, но и места обитания василиска. Некогда эта сверхъядовитая змейка была извлечена из храмовой пещеры на мысе Тенар в Лаконии, затем вновь родилась в диких африканских пустынях из капель крови Медузы Горгоны, а с XV века, согласно Луцидариям, это чудовище можно было встретить в каменных подземельях Рима или Кракова. Оба города были центрами притяжения для алхимиков, которые в своих опытах манипулировали «красными драконами», «зелеными львами» и «пестрыми пантерами».

В истории василиска самое поразительное, на мой взгляд, обстоятельство заключается в следующем: повествующие о нем средневековые авторы никогда не видели эту рептилию, ибо встреча с ней, по всеобщему убеждению, имела бы для наблюдателя смертельный исход. Обилие же литературных свидетельств не должно нас смущать. Средневековых авторов, как и натуралиста Конрада Геснера, привлекал набор необычных свойств,

Досье рептилии

сконцентрированных в портрете легендарного чудовища. Сегодня василиск забыт, и сведения о нем можно найти не в зоологических справочниках, а в мифологических словарях. Прошло уже около четырехсот лет с тех пор, как это существо утратило право на существование. Роковые изменения в облике змеи привели к тому, что в конце концов она была объявлена неким вымыслом — суровый приговор для существа, будоражившего воображение писателей и ученых на протяжении двух тысяч лет. Тем интереснее выяснить, как выглядел василиск первоначально. И хотя механика его превращений, как любой творческий процесс, скрыта в глубинах подсознания, на поверхности имеется несколько ярких свидетельств, несущих на себе печать сил, задающих векторы изменений.

Метаморфозы

Внушающая ужас фантастическая змея — лишь один из обликов василиска. В поздних бестиариях василиск изображался как монструозное чудовище, менее всего напоминающее змею. Легкость, с которой произошло изменение внешнего вида рептилии, свидетельствует об изначальной мифологичности этой фигуры. Пристальный интерес к ней в средиземноморской культуре связан с тем, не вполне осознававшимся, обстоятельством, что свое главное свойство змея унаследовала от чудовищного порождения нижнего мира — Медузы Горгоны. О глубине мифологической памяти, связанной с этой фигурой, свидетельствует находка терракотовой головки позднего бронзового века в святилище Зевса в Додоне, трактуемая как изображение доисторического женского божества дикой природы⁵. Хтоническое происхождение василиска определило особую степень свободы, с которой совершались дальнейшие превращения. Удивление, однако, должно вызывать появление сведений о мифической змее в древних зоологических и медицинских трактатах. Ведь истинное место этой фигуры — в теогониях. Позже получил широкое хождение миф о рождении ливийских змей из капель крови отрубленной Персеем головы Медузы Горгоны.

Обращаясь к тому или иному свидетельству, мы каждый раз будем сталкиваться с проблемой

(порожденной современным научным сознанием): перед нами метафора или реальная рептилия? Разумно было бы прибегнуть к компромиссу и обозначить его так: василиск — змея, обладающая мифическими свойствами, что, однако, создает лишь иллюзию выхода из тупика. Свойства василиска таковы, что представить себе их владельца просто невозможно. Существо, в силу своей природы убивающее все живое, обречено на небытие. Для античных писателей такой дилеммы не существовало, поскольку василиск из столетия в столетие воспринимался как очень опасная змея. В промежуток времени от Никандра Колофонского до Плиния Старшего змея обретает свойство убивать жертву ядовитым дыханием — ранее она убивала прикосновением. Обозначим это обстоятельство как первую переменную в облике василиска. Следующее изменение носит роковой характер: василиску приписывается способность убивать взглядом. Для арабских врачей и мистиков, в полной мере усвоивших античное наследство, царица змей остается загадочной и недоступной опытному исследованию фигурой. Их свидетельства послужат для нас важным критерием для оценки масштаба новой метаморфозы, приключившейся с царицей змей в эпоху Высокого Средневековья.

В западной средневековой культуре василиск стал виртуальным знаком, на который проецировались человеческие страхи и тревожные ожидания. Материалы бестиариев XII–XIII вв., тяготеющих к аллегорическому описанию природных созданий, дают основу для таких утверждений. Первые же критические попытки разобраться с натурой

василиска привели к тому, что он вновь вернулся к облику змеи. В «Естественной истории змей и драконов» натуралиста Улисса Альдрованди (1522–1605) изображен восьминогий монстр, покрытый чешуей. Превращению василиска в inferнальное существо, стоящее на границе видимого и невидимого миров, предшествовал темный период, в котором есть как минимум два загадочных обстоятельства: обретение им смертоносного взгляда и мутация в змее-петуха.

Обозначим проблему яснее. В нашем распоряжении имеется ряд свидетельств, фиксирующих устойчивый набор характеристик василиска. Образ змеи, не менявшийся на протяжении столетий, после XI века резко преобразуется и тиражируется уже в новом варианте. Разрыв с предшествующей традицией очевиден, но нет ни одного свидетельства, где бы описывался этот разрыв или процесс перевоплощения. Черная дыра, поглотившая василиска, сомкнула границы разрыва. Однако факт мутации надежно засвидетельствован. В статичной портретной галерее имеются два взаимоисключающих изображения. Первое из них — змея, второе — петух со змеиным хвостом. Чтобы заполнить зияющую пустоту, следует объяснить механизм и причину превращения рептилии в солнечную птицу. Сам по себе факт метаморфозы несомненен, поскольку новый персонаж обладает именем и смертоносным взглядом василиска. Происхождение монструозного змее-петуха по праву является волнующей тайной средневекового мышления.

Первая же загадочная метаморфоза произошла с василиском в древности. Если в ранних описаниях

священной змейки говорилось, что она убивает ядовитым укусом или прикосновением, то через несколько веков она убивала взглядом.

Фундаментальная особенность, которая принесла змейке имя «царька», заключается в ее удивительной власти над другими змеями: ведь даже самые крупные из них избегают встречи с ней. Древние авторы видели в этом реакцию на запах василиска, его ужасное дыхание или силу яда. Воображение сделало его змеей, способной убивать, даже без укуса. Несмотря на свои скромные размеры и невыразительную внешность, василиск является опасным существом, пугающим даже крупных рептилий. Каким образом он стал «царем змей»? Исходящая от него опасность неотделима от его имени. Французский исследователь Себастьян Барбара полагает, что предыстория василиска до обретения им имени связана с нижним миром. И хотя эта предыстория темна и непрозрачна, некоторые случайные свидетельства приоткрывают тайну, отсылая к поэтическим метафорам Гомера⁶.

Греческий писатель и географ II века Павсаний в своем «Описании Эллады» вспоминает миф о безымянной, страшной змее, прозванной псом Аида (псом царства мертвых). Действие происходит в греческой области Лаконии: «Если от Пирриха спуститься к морю, то там будет Тевфрона. Первым поселившимся здесь человеком называют афинянина Тевфранта. Из богов они больше всего почитают Артемиду Иссору. Тут есть водоем Найа. На расстоянии ста пятидесяти стадиев от Тевфроны вдается в море мыс Тенар, и имеются две гавани:

одна — Ахилла, другая — Пасамафонтова. На мысу стоит храм в виде пещеры, и перед ним — статуя Посейдона. Кто-то из греков сочинил, будто Геракл поднял здесь наверх пса Аида, хотя через пещеру нет никакой дороги под землю, и кроме того, нелегко поверить в то, что существует некое подземное жилище богов, в которое собираются души [умерших]. Но Гекатей Милетский „нашел правдоподобное объяснение“: по его словам, „на Тенаре выросла ужасная змея, а „псом Аида“ ее прозвали потому, что ужаленного ею ждала немедленная смерть от яда, и вот эту-то змею Геракл и отвел к Эврисфею“. Гомер — а он первым назвал существо, приведенное Гераклом, „псом Аида“ — не дал ему никакого имени и не присочинил деталей внешнего облика, как в случае с Химерой, а последующие поэты называли его Кербером и — ... говорят, что у него три головы» (*Павсаний*. III. 25. 4). И еще один фрагмент на эту тему, сохранившийся на папирусе: «Гекатей Милетский говорит так: „Думаю я, что змея эта была не такая большая и не огромная, а [просто] пострашней других змей, и поэтому Эврисфей приказал [привести ее], думая, что к ней не подступиться...“» (*Схолии к Антимаху*, Каирский папирус 65741, столб. II, 26 сл.). Некогда василиск именовался «псом Аида», то есть был существом нижнего мира.

История василиска с самого начала насыщена драматическими событиями. Эта фигура, как правило, ассоциируется со смертью, внезапной и неотвратимой. Невзрачная змея приобрела царский титул благодаря способности убивать все живое простым прикосновением. В древнегреческих

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru